
Малое
собрание
сочинений

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

Божественная
комедия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АД

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

На полпути земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий¹.
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я
И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, —
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропой
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.
Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, —
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему.
Утихнул страх — взволнованное море
Души моей смущавший в эту ночь,
Которую провел я в тяжком горе.
И, как пловец, успевший перевозмочь
Опасности, еще глядит на волны
И на берег выходит, страхом полный, —
Так, трепеща, туда я кинул взгляд,
Откуда нет живущему возврата
И ни один не приходил назад.

Почувствовав, что плоть моя объята
Усталостью, решил я отдохнуть
И, подкрепясь, опять пустился в путь.
Я шел вперед гористой дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой быстроногой²;
Преградою в пути являясь мне,
Ужасный зверь на месте оставался,
И сам бежать я тщетно порывался.

Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом,
И сам я ждал победы над врагом,
Но снова был тревогой роковою
Охвачен я: с поднятой головою
Свирепый лев³ моим очам предстал,
Он шел ко мне настойчиво и властно,
И голодом казался так ужасно
Терзаем он, что воздух трепетал.
Вослед ему шла тощая волчица⁴,
Чьей алчности неведома граница:
Томит людей желаньями она.
И вновь душа, отчаяньем полна,
Смутилася, и, повинувась взору
Чудовища, не смел идти я в гору.
И, наподобье жалкого скупца,
Когда, лишась навеки обладанья
Сокровищем, не в силах он рыданья
Сдержатъ в груди — я плакал без конца
И отступал пред нею к той долине,
Где гаснет свет. И там, в немой пустыне,
Я смертного увидел пред собой.
От долгого молчания безгласен
Казался он, и молвил я с мольбой:

— Призыв к тебе да будет не напрасен!
Кто б ни был ты: бесплотный светлый дух
Иль человек — склони к моленью слух,
Спаси меня в моей ужасной доле! —
И молвил он: — «Уж я не смертный боле,
Но смертным был при Юлии рожден.
Я жил во тьме языческих времен,
При Августе, и вместе с целым Римом
Благоговел пред божеством я мнимым.
Там, на земле, я также был поэт⁵,
И в песнях мной Анхизов сын воспет,
Бежавший прочь от Трои горделивой.
Но отчего обратно в эту тьму
Стремишься ты — не к светлому холму,
Не к высоте безгрешной и счастливой?»
И молвил я, склонив пред ним чело:
— Ужели ты — Вергилий несравненный,
Поэзии источник вдохновенный,
Струющийся обильно и светло?
Хвала тебе! И славою, и светом
Являешься ты всем другим поэтам.
Наставник мой, которого прилежно
Я изучал, заступником моим
Явись в беде, грозящей неизбежно!
Тобою был в труде руководим,
По милости твоей себе хваленья
Снискал и я в искусстве песнопенья.
Молю тебя, от зверя защити!
Идти вперед я более не в силах,
Смутился дух, и кровь мятется в жилах.

Ответил он: — «Ищи себе пути
Иного ты, чтоб выйти из пустыни.
Чудовище губило всех доныне,
И жертв его — несметное число.
Но алчности насытить не могло
Оно ничем: для жадности волчицы
Пределов нет, не может быть границы.

Со многими в союз войдет она,
Но будет Псом⁶ затем умерщвлена.
Алкающий не злата и земель,
Поставит он себе иную цель,
Почтив любовь, премудрость, добродетель.
От Фельтро и до Фельтро⁷ — та страна,
Где он со дня рождения — владетель.
Италия им будет спасена,
Та, для кого Камиллы непорочной
Струилась кровь, и смертью в час урочный
Погибли Турн и с Низом — Эвриал⁸.
Могучий Пес для мщения восстал.
Травя ее от града и до града,
Загонит он волчицу в бездну Ада,
Откуда зависть вызвала на свет
Чудовище. Последуй же, поэт,
За мною ты, я — твой путеводитель,
И вечности увидишь ты обитель;
Услышишь в той ужасной стороне
Стон грешных душ, мятущихся в огне,
Вторую смерть в отчаянье зовущих.
Увидишь ты и облегченья ждущих:
Со временем избавятся оне
И воспарят к обители блаженства.
Но, если ты захочешь вознестись
В тот светлый мир, в сияющую высь —
Есть существо, пределов совершенства
Достигшее, которому я сам
Тебя у врат небесных передам.
Воспитанный в преданьях ложной веры,
Я в райские не проникаю сферы⁹
И не могу к Господню алтарю
Тебя привести. Небесному Царю
Подвластно все, но там — Его чертоги,
Престол Его. Блаженны те стократ,
Кто в этот край не утерял дороги!»
И молвил я, волнением объят:

— О, заклинаю памятью о Боге,
Которому ты не служил, поэт,
Веди меня от этих зол и бед
В печальный край, описанный тобою,
И грешных скорбь да вижу пред собою, —
Оттуда же — к вратам Петра святым!

И он пошел, и я — вослед за ним.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Склонялся день к закату. Отдохнуть
Готовились все существа живые,
Лишь я один сбирался в трудный путь.
Опасности и скорби роковые,
Которые я испытал не раз, —
Да передаст правдивый мой рассказ.
О, гений мой, святое вдохновенье,
Взываю к вам из глубины души;
О, память, все, что знаешь, опиши!

Я начал так: — Поэт-путеводитель,
Пред тем как мы в подземную обитель
Сойдем с тобой, нам следует решить,
Под силу ли мне подвиг совершить?
Ты говорил, что Сильвия родитель,
Герой Эней, живым спускался в Ад
И невредим вернулся он назад?
Но жизнь его была Творцом хранима,
И смертного избегнул он одра,
Чтоб сделаться отцом великим Рима,
Где царствуют преемники Петра¹⁰.
И в странствии, прославленном тобою,
Он с папскою тиарой золотою
Обрел еще победу над врагом.
Позднее же с великим торжеством

Свершил тот путь и сам сосуд избранья,
Дабы извлечь и утвердить прочней
Учения Христова основанья.
Но как дерзну явиться в мир теней?
И кто мне даст на это дозволенье?
Не Павел я апостол, не Эней.
Меня во всем мудрее ты, сильнее;
Ты разреши мое недоуменье!

И так в уме я изменял решенье,
Которое созрело у меня.

И молвил дух: — «Не так ли, день от дня,
Мы подвигов, из трусости и лени,
Стараемся, где можно, избежать?
Не так ли зверь своей страшится тени?
Но ужас твой я властен разогнать.
Узнай же ты: меж призраков толпою
Покуда ждал с другими над собою
Последнего решения суда —
Предстал я там пред женщиной прекрасной.
Глаза ее сияли, как звезда,
И молвила, как ангел сладкогласный,
Мне вестница прекрасная в ответ,
Когда спросил, какие повеленья
Мне даст она? — „О Мантуи поэт,
Чьей славою исполнен целый свет
И для кого не может быть забвенья,
Спаси того, кто, убоясь преград,
В пустыне ждет, охваченный испугом,
И в ужасе готов бежать назад.
Он был моим, но не Фортуны другом¹¹.
Мне ведомо, что сбился он с пути.
Не поздно ли теперь его спасти?
Иди к нему и силой дивной речи
Остереги! С тобой искала встречи,
И привела сюда меня любовь.

Мне имя Беатриче, и к престолу
Господнему, Всевышнего глаголу
Покорная, я возвращаюсь вновь.
Там за тебя предстану я с мольбою!“

И молвил я: — Святая благодать!
Наш род земной возвысился тобою
Над всем, чему дано существовать.
Не повторяй усердного моления! —
Я с радостью исполню повеленье.
Скажи одно лишь: с горней высоты,
Из области надзвездного эфира,
Когда сюда, в пучину, сходишь ты,
Которая есть средоточье мира —
Ужель тебе пучина не страшна? —
И кратко мне ответила она:
— „Лишь одного всегда страшиться надо —
Вредить другим. Я так сотворена,
Что без вреда парю над бездной Ада.
Я не боюсь крошечного огня,
И скорбь земли не тяготит меня.
Заступница есть в горних небесах,
И, путника увидевши в слезах,
К которому ты послан для совета,
Она смягчила грозный приговор,
И Люции¹², носительнице света,
Готовой злу всегдашний дать отпор,
Так молвила: — «Во имя милосердия
Иди к тому, кто, потерявши путь,
Взывает к нам. Ты — враг жестокосердия —
Защитницей ему надежной будь!»
И Люция с своим небесным взглядом
Сказала мне, с Рахилью бывшей рядом:
— О Беатриче, Господу псалом!
Спаси того, кто борется со злом.
Любя тебя, житейским жалким стадом
Он пренебрег. Под бременем тоски

Он борется со смертью у реки,
Которая страшнее океана.

О, кто бы мог от бедствий и обмана
Бежать быстрее иль устремиться вслед
Давно уже намеченной добыче —
Как, услышав такую речь, поэт,
К тебе сюда спешила Беатриче!
Мудрей тебя и совершенней — нет:
В тебе ищу для странника опоры“.

Так, возведя сияющие взоры
Свои ко мне, вещала мне жена
Прекрасная, твою судьбу доверя.
Я поспешил и спас тебя от зверя,
Опасность мной теперь устранена,
И можешь ты взойти на холм спокойно.
К чему же ты питаешь недостойно
В душе своей сомнения и страх?
Три светлые жены на небесах
За жизнь твою возносят там моления»¹³.

Так говорил Вергилий. Как цветы,
Поникшие в ночи от дуновенья
Холодного, но в блеске красоты
Ожившие при солнечном сиянье,
Так и во мне воскресли упования,
И молвил я: — Благословенна ты,
Явившая святое состраданье!
И ты, поэт, как много доброты
В душе твоей, и как великодушно
Ты внял ее велениям послушно!
Тяжелый путь отважно предпринять —
Ты мужество внушаешь мне опять.
Мой славный вождь, наставник, повелитель!
Отныне воля нас одна ведет.
Ты будешь мне во всем руководитель.

Так я сказал, и он пошел вперед,
А вслед ему лесистою тропую
Пошел и я уверенной стопою.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

За мною путь к обители печальной,
За мною те, кто мукам осужден,
За мною край, где вечный плач и стон.
Созданье я любви первоначальной
И правосудной мудрости Творца,
И в вечности пробуду без конца
Я, как и все, что в мире безначально.
«Кто б ни были входящие сюда,
Оставьте здесь надежду навсегда!»
Написаны над адскими вратами
Зловещими и черными чертами —
Виднелися те грозные слова.
И молвил я: — Значенье их ужасно! —
Но отвечал мой спутник и глава:
— «Откинь боязнь и не страшись напрасно!
Приблизимся! За этою чертой —
Обитель душ, сознания лишенных
И вечному безумью обреченных»¹⁴.

И, руку мне подавши с добротой,
Он ввел меня во тьму глубокой бездны,
Где небосвод, зловещий и беззвездный,
Был воплями и криком оглашен.

Заплакал я, печалью поражен.
Рыдания, исполненные муки
И ярости, речей безумных звуки
И всплески рук, тяжелый топот ног —
Сливалось все, крутилось, как песок,
Вздымаемый порывом вихря диким.

Охваченный смятением великим,
Воскликнул я: — Скажи, учитель мой,
Но кто же те, чьи вижу я страдания? —
Ответил он: — «Влачат существованье
Такое те, кто, живши на земле,
Был порицанию чужд и похвале.
Печальный род! Союзников ничтожных
Нашли они меж ангелов безбожных,
Которые, Творцу не изменив,
Но верности в душе не сохранив,
Лишь о себе имели попеченье.
Не приняли к себе их небеса,
Дабы небес чистейшая краса
Не омрачилась тенью преступления,
И самый Ад отвергнул их в презренье»¹⁵.
Но я сказал: — Учитель, тяжкий стон
Несется к нам сюда со всех сторон.
Исторгнут он мученьями какими? —
«Все объясню, — на это молвил он. —
Утрачена бесповоротно ими
Надежда смерть вторичную найти,
И худшее им легче бы снести»¹⁶.
Их след исчез подобно волнам дыма,
Отвергнуты они неумолимо
И милостью Господней, и судом,
Караемы презреньем и стыдом.
Взгляни на них и позабудь их! Мимо!»

Вдруг зная я увидел пред собой,
Что в воздухе неслоь не удержиимо,
И сонм людей за ним неумолимо
Бежал вослед несметною толпой.
Дивился я, что сенью гробовой
Поглощено живых людей так много.
Среди людей, бежавших той дорогой,
Немедленно я одного признал:
Из трусости высоким отреченьем

Себя навек преступный запятнал¹⁷.
В тех призраках, охваченных смятеньем,
Несчастный род узнать я сразу мог,
Которым Ад гнушается и Бог.
Язвимые слепней и мух роями
Внушали страх нагие их тела;
По лицам их струилась кровь ручьями
И, с жгучими смешавшись слезами,
Немедля пожираема была
Кишащими у самых ног червями.

И тут же я заметил вдалеке,
Насколько мог при слабом видеть свете, —
Толпу людей, теснившихся к реке.
И молвил я: — Но кто же люди эти?
Зачем спешат к отплытию они?
Прошу тебя, наставник, объясни!
— «Узнаешь это, — было мне ответом, —
Когда со мной минуешь Ахеронт»¹⁸.
И к берегу крутому за поэтом
Я двинулся, безмолвен и смущен.
Там по реке, бежавшей без журчанья,
Навстречу плыл в ладье своей старик¹⁹,
И молвил он, безжалостен и дик:
— «О горе вам, погибшие созданья!
Не думайте увидеть дня сиянье:
В моем краю царит повсюду ночь,
И жгучий зной сменяет холод лютый.
А ты, живой, беги от мертвых прочь,
Меж призраков не медли ни минуты!» —
И, увидав, что молча я стою,
Прибавил он: — «Ищи себе ладью
Иную ты, чтоб волны Ахерона
В ней переплыть!» — Но грозный гнев Харона
Сумел смягчить мой мудрый проводник.
Промолвил он: — «Не прекословь, старик!
Есть высшее на это повеленье²⁰,
Ему повиноваться ты привык».

И, укротив свирепое волнение,
Седой Харон смирился в тот же миг;
В очах его, орбитой окруженных
Багровою, угас безумный гнев.
Но сонмы душ, нагих и истомленных,
Услышали ответ. Освирепев
И яростно заскрежетав зубами,
Презренные осыпали хулами
Всевышнего Творца и бытие,
Родителей своих, места и время
Рожденья их, от семени их семя,
И с миром всем — рождение свое.
Затем они столпились со стоном
На берегу, которого нельзя
Избегнуть тем, кем правая стезя
Покинута. И, демоном Хароном
Сгоняемы при помощи весла,
Они в ладью, как листья без числа,
Развеянные бурей, валились.
Как соколы, что в небесах кружились,
Покуда их не отозвал назад
Призывный клич, — так поспешало в Ад
За тенью тень Адама поколение.
Пока ладья скрывалась в отдаленье,
Дабы к стране отчаянья пристать, —
На берегу стекалася опять
Толпа теней, и молвил благосклонно
Учитель мой: — «О милый сын, узнай:
Всех во грехе умерших неуклонно
Господень суд сгоняет в этот край,
И самый страх в желанье обращает
Узнать скорей грозящий им удел.
Переступить таинственный предел
Всем праведным Всевышний воспрещает,
Вот почему разгневался Харон».

Умолк поэт. Едва окончил он,
Как царство тьмы заколебалось с силой,